

УДК 902. 903. 023

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛЕСОСТЕПИ И ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ВОЛОСОВСКИХ И ГАРИНСКО-БОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ*

© 2012 А.И. Королев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Поступила в редакцию 14.05.2012

В работе анализируются вопросы происхождения средневожской волосовской и гаринско-борской культур. Привлекаются материалы по позднему энеолиту степи-лесостепи Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, данные радиоуглеродного анализа. Аргументируется вывод о складывании здесь во второй половине IV тыс. до н.э. Волго-Камской культурно-исторической общности позднего энеолита. В результате контактов населения этой общности с красномостовским типом и новоильинской культурами формируются волосовская и гаринско-борская культуры.

Ключевые слова: энеолит, Среднее Поволжье, Нижнее Прикамье, Волго-Камская культурно-историческая общность позднего энеолита, красномостовский тип, новоильинская культура, средневожская волосовская культура, гаринско-борская культура, токский тип, алтатинский тип, стоянка Чекалино IV, поселение Гундоровка.

В решении проблемы происхождения культур лесного энеолита Волго-Камья исследователи выявили и аргументировали предшествующий пласт финального неолита – раннего энеолита, который позволил во многом снять противоречия, связанные с существенными отличиями энеолитических материалов от неолитических. По мнению специалистов, промежуточное положение по отношению к волосовским древностям Средней Волги заняли красномостовские комплексы¹, а по отношению к гаринско-борским – новоильинские². Высказано и другое мнение о возможной прямой преемственности хуторских и гаринских материалов³. У красномостовской и новоильинской керамики есть ряд общих черт, которые во многом обусловили близость волосовской и гаринско-борской культур. К ним относятся плотное тесто с примесью шамота, иногда с порами от выгоревшей органики, заглаженные внешние поверхности сосудов, прямостенность, округлодонность, преобладание неглубоко отпечатанного орнамента. Из элементов типичны овальный зубчатый штамп, короткая гребенка, овальные ямчатые вдавления. Одинаковы не только самые простые рядные горизонтальные и диагональные мотивы орнамента, но и более специфические: горизонтальный зигзаг под венчиком, пояски, составленные из оттисков овальной гребенки или ямчатых вдавлений, отпечатанных горизонтально и расположенных в шахматном порядке, горизонтальные полосы гребенки, наличие широких неорнаментированных зон. Совпадение комплекса признаков, а не только отдельных элементов, подтверждает наличие общего неолитичес-

кого субстрата и указывает на близкое время формирования⁴. Л.А. Наговицын первоначально рассматривал красномостовский тип как самостоятельное явление⁵, но затем включил его в новоильинскую культуру⁶. На самостоятельном статусе красномостовских материалов настаивает В.В. Никитин⁷. Эта точка зрения с учетом отчетливого ямочно-гребенчатого субстрата типологических и территориальных отличий более аргументирована. Для красномостовских комплексов в настоящее время нет данных об их сосуществовании с волосовской культурой, как и о перекрытии красномостовскими слоями ранневожских. Можно предполагать их достаточно узкий хронологический диапазон. В.В. Никитин, определяя красномостовский период первой половиной III тыс. до н.э., в то же время отмечает начало процесса его формирования в развитом неолите⁸. Даты, полученные по керамике красномостовского типа с поселений Дубовское III 5295 ± 80 л.н. (Кі 16168), VIII 5270 ± 80 л.н. (Кі-15728), Красный Мост II 5260 ± 90 л.н. (Кі-16172), приходится на конец третьей четверти IV тыс. до н.э.⁹. Они укладываются в промежуток времени между поздним неолитом и волосовской культурой и соответствуют протоволосовскому этапу. Начало III тыс. до н.э. – время распространения ранневожских комплексов Среднего Поволжья.

Новоильинская культура, видимо, существовала более длительное время, в течение которого в посуде появились примесь раковины, зачистка внутренней поверхности зубчатыми штампами, более разреженный и небрежно выполненный орнамент. Эти черты во многом стали определяющими для гаринской и борской керамики. Однако попытки объяснения новых признаков в гаринско-борских материалах эволюцией новоильинской культуры в гаринскую-

*Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры отечественной истории и археологии.
E-mail: arkorolev@gmail.com*

борскую неубедительны. Л.А. Наговицын, рассматривая вопросы происхождения борских материалов, отмечает их преемственность от новоильинских, в то же время связь гаринских и новоильинских для него неочевидна¹⁰. Одно из существенных различий новоильинской и гаринско-борской керамики связано с разными технологиями керамического производства. Отбор исходного сырья и составление формовочных масс относятся к приспособительным навыкам гончаров¹¹. Переход к использованию в качестве примеси толченых раковин может объясняться прямым заимствованием у контактной группы в результате установления существенных (брачных?) связей с пограничным населением лесостепи, которое традиционно с эпохи раннего энеолита добавляло раковину в тесто. Такой контактной зоной было левобережье Нижней Камы. Исследованные здесь энеолитические материалы содержат как новоильинскую керамику, так и посуду, в которой присутствуют волосовские и гаринско-борские черты. Р.С. Габяшев, характеризуя нижекамские энеолитические материалы, отметил их типологические различия и предположил различные истоки формирования. Примесь раковины в тесте и утолщенные формы венчиков, по мнению исследователя, имеют южное происхождение¹². Разделяя этот вывод, можно добавить, что типологические различия могут отражать и различное хронологическое положение комплексов. Так, в керамике новоильинского типа определены шамот и раковина, тонко- и толстостенность, тщательно заглаженная поверхность и следы зубчатого выравнивания, плотный и разреженный орнамент. Посуда с волосовско-гаринскими чертами содержит в различной степени волнистые венчики, от только намеченной «волны» в результате нанесенного орнамента до специально сформированной гофрированности, различную степень профилированности, наличие и отсутствие в коллекциях сосудов с налпными валиками, широкое и незначительное применение приема «шагающей гребенки» и т.д. Длительное время существования новоильинской культуры и хронологическая неоднородность комплексов энеолита региона подтверждаются также данными поселения Сауз II, где А.А. Выборнов зафиксировал как сосуществование новоильинских и гаринских материалов, так и стратиграфическое расчленение гаринско-борских¹³.

И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев, обобщая данные по лесостепным и степным материалам Волго-Камья, отметили заметное влияние на судьбы севера лесостепи населения самарской и хвалынской культур. Ряд наблюдений позволил им остановиться на более сильном влиянии хвалынской культуры на волосовские материалы (Г- и Т-образные венчики, плотные горизонтальные ряды насечек, примесь раковины), чем на гаринские¹⁴. Это положение подверг критике В.В. Ставицкий, указав на хронологическую нестыков-

ку хвалынских и гаринских материалов¹⁵. Анализируя полученные коллекции стоянки Большая Раковка II, П.П. Барынкин и Е.В. Козин предложили объединить степные памятники с комплексами гаринско-борского типа в одну группу¹⁶. Н.Л. Моргунова отметила близость керамики тоцкого типа гаринской и волосовской и выдвинула предположение о воздействии тоцкого населения на носителей лесных культур¹⁷.

В.В. Ставицкий, анализируя вопросы происхождения гаринской культуры, также пришел к выводу о хронологическом приоритете юга¹⁸. Аргументируя связь генезиса гарина с тоцким и алтатинским типами, В.В. Ставицкий прослеживает многокомпонентное воздействие степного и лесостепного населения на изучаемый процесс. Принципиально новым здесь выступают материалы алтатинского типа, причем рассматривается не только керамика, но и каменные орудия. Это направление связей представляет большой интерес, но вызывает и ряд вопросов. Часть керамики Большой Раковки II определена им как переходная в алексеевско-алтатинскую, однако неясно, какая именно¹⁹. Авторы раскопок часть энеолитической посуды отнесли к тоцкому типу, еще часть – к турганинскому. Малочисленна на этом памятнике хвалынская и репинская керамика²⁰. Сложный характер этого смешанного памятника делает крайне затруднительным обращение к кремневому инвентарю. Поэтому апелляция к наконечникам стрел как к ведущей категории находок алтатинского типа Большой Раковки II нуждается в специальном обосновании. Алтатинская керамика (профилированная часть керамики Алтаты, Пшеничного, Русского Труево II) характеризуется «профилированными, отогнутыми наружу венчиками, часть из которых имеет внутренний желобок»²¹. Этому описанию в большей степени соответствует небольшая коллекция керамики, сопоставленная с турганинским типом. Однако нельзя сказать, что такой тип является характерным для гаринской посуды. Алтатинские материалы лесостепи лучше изучены в Посурье, где представлены полноценными комплексами с жилищами, керамическим и каменным инвентарем. Но эта территория может рассматриваться в качестве контактной скорее между алтатинским и волосовским населением. В то же время алтатинские памятники не выявлены в Прикамье, где, вероятно, проходил культурогенез носителей гаринско-борской культуры, и возможность их взаимодействия остается под вопросом.

Выдвинутое исследователями предположение об участии степных и лесостепных материалов в складывании лесных энеолитических культур опирается на предположение А.Х. Халикова²² и в настоящее время находит подтверждение как в самих материалах, так и в их абсолютных датировках. Также как и вывод Р.С. Габяшева о различных истоках нижекамских энеолитических комплексов во многом подкрепляется материалами позднего энеолита лесостепного Повол-

жья. Отметим, что А.В. Шипиловым высказано противоположное суждение²³. По его мнению, влияние носителей лесостепных культур закончилось в конце IV тыс. до н.э. И.Б. Васильев, исследуя материалы токского типа, также был склонен не «преувеличивать южные влияния»²⁴. Как представляется, этот вывод входит в противоречие с накопленными данными²⁵. Керамика волосовско-гаринско-борского типа с поселений и стоянок левобережья Нижней Камы находит близкие аналогии в материалах Виловатого, Чесноковки II, Большой Раковки II, Чекалино IV, Старой Елшанки, Ивановки, Турганиской стоянки, Муллино, Бачки-тау II, Средней Оки и ряда других памятников, и рассматривается А.И. Королевым и А.А. Шалапининым в специальной статье²⁶. К этой керамике применима обобщенная характеристика. В примеси применялась раковина. Внешняя поверхность обычно заглажена, следы зубчатой зачистки чаще встречаются на внутренней стороне. Сосуды прямостенные, слабопрофилированные и открытые. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу, часто с легким утолщением с округлым или уплощенным срезом, отмечены Т-образные. Срез края горла часто скошен в результате нанесения орнамента, часть венчиков с пальцевыми вдавлениями по краю приобрела подобие гофрировки. Преобладают прямостенные формы сосудов, котловидные и слабо профилированные с округлым дном. Орнамент выполнен обычно в горизонтальной, реже – в диагональной зональности, преимущественно средними и короткими гребенчатыми штампами, реже ямчатыми вдавлениями, оттисками веревочки и (или) аммонита. Мотивы простые: частые горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных отпечатков штампа; разреженные ряды оттисков; диагональные ряды оттисков; горизонтальные полосы оттисков; сочетания горизонтальных и диагональных рядов оттисков; горизонтальный зигзаг; сочетания горизонтальных полос и зигзага. Есть изображение плывущих птиц и «следов» птичьих лап. Орнамент может быть нанесен плотно, включая днище, может быть разрежен, есть и неорнаментированные сосуды. Отметим крупную коллекцию подобной керамики, полученную ходе недавних раскопок стоянки Чекалино IV и ставшую опорной при характеристике данного типа²⁷. Небольшая коллекция сходной посуды была получена на стоянке Елшанка XI в правобережье Волги и связана с юртиковской и гаринско-борской культурами²⁸. Большой интерес представляют данные из Прихоперья, особенно стоянка Шапкино VI, на которой был выявлен позднеэнеолитический комплекс керамики с охарактеризованными выше признаками²⁹. Слабопрофилированная керамика с примесью раковины, тонкими стенками и характерной орнаментацией известна также на поселениях Марийского Поволжья Баркужерском III, Мариерском, Удельно-Шумецком VI³⁰.

Близость с посудой стоянки Чекалино IV проявляется вплоть до деталей. Такая же керамика собрана Н.С. Березиной в районе Мукшумских стоянок (приношу благодарность В.В. Никитину, Н.С. Березиной за возможность ознакомиться с материалами). Таким образом, очерчивается обширная территория лесостепи-степи, ограниченная на юге Саратовским течением р. Волга, на севере – низовьями Камы и Марийским течением Волги, на востоке – р.Белая, на западе – Похоперьем и Посурьем. Эти материалы не позволяют безоговорочно соотнести их с одной из культур лесного энеолита. Они также выходят за рамки токского типа, частично соответствуя лишь его непрофилированной и слабопрофилированной посуде. В то же время типичные признаки лесостепной керамики обнаруживаются в ранней волосовской, гаринской, борской, юртиковской посуде. Видимо, можно поставить вопрос о складывании в степи-лесостепи в рамках очерченной территории Волго-Камской культурной общности позднего энеолита, керамика и каменный инвентарь которой содержат целый ряд признаков, ставших определяющими для лесных энеолитических культур. Территория формирования этой общности в настоящее время вряд ли может быть узлокализирована. Видимо, её генезис связан со степью – югом лесостепи, как Приволжья, так и Заволжья, где в неолите существовали составившие родственный субстрат средневожская и камская культуры. Новые материалы складываются на их основе, последовательно испытывая влияние самарской и хвалынской культур, а затем и энеолитического степного населения, представленного материалами стоянок Алтата, Кумыска, Пшеничное, Первомайское, Шапкино VI и др. Карнизы и утолщения на венчиках сосудов появляются уже во второй половине IV тыс. до н.э. и представляют собой реминисценции воротничков. Носители этих материалов (чекалинского и токского типов) распространяются в лесостепной полосе в Поволжье и Прикамье, где вступают во взаимодействие с красномостовским и новоильинским населением. Время этих контактов, судя по абсолютным датам красномостовских комплексов, определяется в широких пределах последней третью IV тыс. до н.э. По керамике стоянки Чекалино IV были получены даты: 5840 ± 90 Ki-14571, 6620 ± 80 Ki-15775, 54701 ± 40 Ki-15774, 5240 ± 80 Ki-14574, 5050 ± 80 Ki-16440, 5065 ± 70 Ki-16439³¹. Разброс значений, видимо, неоправданно велик, но обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых совпадение двух последних датировок с датами, полученными по токской керамике Ивановского поселения 5070 ± 80 Ki-15070, 4940 ± 80 Ki-15089³². Во-вторых дата 5240 ± 80 Ki-14574 соответствует значениям, полученным для керамики красномостовского типа. Вероятно, на Средней Волге контакты были более интенсивными и привели уже в начале III тыс. до н.э. к появлению

памятников волосовской культуры.

В Прикамье время сосуществования, в течение которого происходит складывание гаринско-борских материалов, было, видимо, более продолжительным. Подтверждается это и появлением металлообработки у новоильинского населения, и более поздней хронологией гаринско-борской культуры³³. Это одна полноценно подкрепленная материалами линия контактов, но за ее пределами остается распространение в лесных культурах примеси птичьего пера, профилированной посуды, «шагающей» гребенки, что лишь отчасти объясняется токсскими материалами. Поэтому следует обратиться к «волосовской» керамике поселения Гундоровка, которая имеет примесь раковины и пуха птиц, различную профилировку, разнообразные по завершению края формы венчиков, орнаментацию, в которой широко применялись гребенчатые штампы, в том числе «шагающая» гребенка³⁴. В значительной степени эти черты характеризуют волосовскую и гаринскую посуду. Данных о территории распространения материалов гундоровского типа пока немного, но они есть. В коллекции Игумской стоянки содержатся фрагменты посуды с ромбическим орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, с оттисками крупного косоугольного штампа, находящиеся аналогии в гундоровской керамике. Аналогична гундоровской керамика со стоянок Курган (автор благодарит А.В. Шипилова за возможность ознакомиться с материалами коллекций), Гулькин Бугор³⁵. Идентична небольшая коллекция Токаревской стоянки³⁶. Отметим также, что с Гундоровского поселения происходит крупная серия кварцитовых орудий. Гундоровский тип позволяет наметить вторую линию контактов лесного финальнонеолитического и раннеэнеолитического населения. Даты, полученные по гундоровской керамике волосовского облика, также близки датировкам красноостовских материалов – третья четверть IV тыс. до н.э. Многочисленные аналогии гундоровская керамика находит в посуде волосовских поселений Марийского края раннего и развитого этапов. Видимо, это явление может объясняться многократным продвижением лесостепных групп в северном направлении в разные периоды энеолита и возникновением разнообразных по форме, содержанию и продолжительности контактов с лесным населением. При этом нет оснований полагать, что лесное население было вытеснено или выступало объектом трансляций, скорее, на пограничных территориях эти контакты имели разнонаправленное действие. Есть данные и о прямом проникновении групп лесостепного населения на территории, занятые лесными племенами, и встречном движении. Примером может служить складывание в ходе взаимодействия населения камской и самарской культур материалов русско-азийского типа, с одной стороны, и отсутствие заметных следов

контакта местного лесного и хвалынского населения, с другой. Следует упомянуть и третью линию развития лесостепного энеолита, представленную материалами алтатинского, турганского типов и типа, пока условно обозначенного как керамика с «внутренним ребром». Участие этой линии в культурогенезе лесных племен изучено менее всего.

**В основе статьи – доклад, прочитанный на VI Халиковских чтениях в г.Перми в декабре 2011 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Никитин В.В.* Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С.31-43; *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991. С.48-49; *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Труды МАЭ. Том IV. Йошкар-Ола, 1996. С.115-128; *Никитин В.В.* Истоки волосовских древностей на Оке и Волге (по материалам поселений Красный Мост II и III) // Археология Восточно-европейской лесостепи. Вып.2. Том I. Пенза, 2008. С.152-166; *Никитин В.В.* Поселения Красный Мост II и III (к вопросу о происхождении волосовских древностей) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Вып.5. С.27-55; *Третьяков В.П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990. С.159, 161.
- ² *Наговицын Л.А.* Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С.114-116; *Наговицын Л.А.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.28; *Наговицын Л.А.* Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской проблемы // ВАУ. Вып.21. Екатеринбург, 1993.
- ³ *Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. С.39.
- ⁴ *Наговицын Л.А.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.31.
- ⁵ *Наговицын Л.А.* Узловые этапы в истории формирования древнейшего финноязычного населения на территории лесной полосы Европейской части СССР // Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. Ижевск, 1990. С.96.
- ⁶ *Наговицын Л.А.* Основные итоги изучения энеолита лесного Приуралья в XX в. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С.73-74.
- ⁷ *Никитин В.В.* Поздний неолит в лесной полосе бассейна Волги (к проблеме истоков волосовской культуры и её локальных вариантов) // ТАС. Вып.8. Том 1. Тверь, 2011. С.216.
- ⁸ *Никитин В.В.* Поздний неолит в лесной полосе бассейна Волги (к проблеме истоков волосовской культуры и её локальных вариантов) // ТАС. Вып. 8. Том 1. Тверь, 2011. С.214.
- ⁹ *Королев А.И., Шалатинин А.А.* Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия СНИЦ РАН. Том 12, номер 2. Самара, 2010. С.256-258.
- ¹⁰ *Наговицын Л.А.* Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С.94-95.
- ¹¹ *Бобринский А.А. и др.* Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С.66-73.

- ¹² Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней и средневековой истории Волго-Камья. ВАН. Вып.1. Казань, 1994. С.30-32.
- ¹³ Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С.34-36.
- ¹⁴ Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур лесного, лесостепного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С.3-23.
- ¹⁵ Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Том II. Пенза, 2008. С.49-57.
- ¹⁶ Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большепраковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С.116.
- ¹⁷ Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. С.79-80.
- ¹⁸ Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Том II. Пенза, 2008. С.49-57; Ставицкий В.В. Проблема происхождения гаринской культуры // ТАС. Вып.8. Тверь, 2011. С.229-233.
- ¹⁹ Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Том II. Пенза, 2008. С.55.
- ²⁰ Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большепраковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С.102-116.
- ²¹ Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево II на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002. С.94.
- ²² Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960. С.70-71.
- ²³ Шитлов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Автореф. канд. дисс. Казань, 2012. С.14-15.
- ²⁴ Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С.58.
- ²⁵ Королев А.И. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия СНИЦ РАН. Т.10. №4. Самара, 2008. С.1256-1262.
- ²⁶ Королев А.И., Шалапинин А.А. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Известия СНИЦ РАН. Т.11. №6. Самара, 2009. С.285-291.
- ²⁷ Королев А.И. Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Поволжья (по результатам раскопок 2007 года) // ТАС. Том 8. Тверь, 2011. С.219-228.
- ²⁸ Вискалин А.В. Комплекс лесного энеолита в лесостепных районах Волго-Уральского междуречья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Том II. Пенза, 2008. С.39-49.
- ²⁹ Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Вып.3. Самара, 2003. С.25, 41. Рис.10.
- ³⁰ Никитин В.В. Баркужерское III поселение // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып.6. Йошкар-Ола, 1982. С.83-114; Никитин В.В. Материалы к изучению волосовской культуры Среднего Поволжья // Древности Поволжья. АЭМК. Вып.17. Йошкар-Ола, 1990. С.8-10, 15-17.
- ³¹ Королев А.И. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия СНИЦ РАН. Т.10. №4. Самара, 2008. С.1259; Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение поздэнеолитических комплексов Среднего Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. С.19.
- ³² Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011. С.131-132.
- ³³ Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV-III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып.2. М., 2011. С.57-58.
- ³⁴ Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа Гундоровского поселения // АЭМК. Вып.19. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991; Овчинникова Н.В. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // ТАС. Вып.4. Том I. Тверь, 2000. С.327-335.
- ³⁵ Бузов Г.М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1982. С.73. Табл.1: 6.
- ³⁶ Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960. Табл. XXVII.

THE MATERIALS OF STEPPE-FOREST AENEOLITHIC AND THE ORIGINS OF VOLOSOVSKAYA AND GARINSKO-BORSKAYA CULTURES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

© 2012 A.I. Korolev

Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara

The article is devoted to the problem of the origins of Volosovskaya and Garinsko-Borskaya cultures of the Middle Volga region. The author discusses the materials and radiocarbon data of late Eneolithic of steppe-forest of the Middle Volga and the Lower Kama regions. He argues the presence of Volga-Kamskaya cultural and historical community of the Late Eneolithic in the second half of the IV millennium BC. The contacts between its inhabitants and the population of the Krasnomostovskaya and Novoilinskaya cultures led to the formation of the Volosovskaya and Garinsko-Borskaya cultures.

Key words: Eneolithic, Middle Volga, Lower Kama, Volga-Kamskaya cultural and historical community of the Late Eneolithic, Krasnomostovsky type, Novoilinskaya culture, Middle-Volga Volosovskaya culture, Garinsko-Borskaya culture, Toksky type, Altatinsky type, site Chekalino IV, settlement Gundorovka.